

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ГОСУДАРЬ РЕАЛЬНЫЙ И ОЖИДАЕМЫЙ: ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА II В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

О.В. Матвеев

Кафедра дореволюционной отечественной истории
Кубанский государственный университет
пер. Малороссийский, 14/2, Краснодар, Россия, 350051

В статье рассмотрены основные элементы образа Александра II в представлениях кубанских казаков. Автор пришел к выводу, что, несмотря на существование иногда диаметрально противоположных взглядов на государя, в целом казаки возлагали на царя надежды и он их оправдал. В частности, Александр II был любим за то, что, в отличие от чиновников, он хороший, освободил крестьян от крепостного права, а также боролся за освобождение братьев-славян христоролюбивым русским воинством. Сформировавшийся позитивный образ царя, безусловно, был одной из причин глубокой скорби казаков в связи с его убийством.

Изучая эпоху Людовика IX Святого, видный французский историк Жак Ле Гофф так формулировал свою исследовательскую задачу: «В сущности, надо задаться вопросом, были ли общество, к которому принадлежал святой король, ментальные приемы биографов и свидетелей, принимавших участие в процессе канонизации, чувствительность эпохи и способы запоминания безучастны к индивидууму (включая и того, кто стоял на вершине общества), или же, напротив, не считалась ли индивидуальная личность одним из способов восприятия, определения и объяснения себя и другого и, в частности, героев биографий, житий» (1). Приблизиться к пониманию взаимоотношений модели и реальности в народных представлениях о монархе — интереснейшая задача, значение которой трудно переоценить. В данной статье предпринята попытка проследить формирование исторических представлений кубанских казаков об императоре Александре II.

Образ Александра Николаевича зафиксировался в исторических представлениях кубанцев задолго до того, как он стал императором. Это было связано с приездами в край наследника российского престола. По преданию, зафиксированному П.П. Короленко, появление среди казачьих регалий пластунского подсоха увязывалось с посещением наследника вместе со своим венценосным отцом в 1837 г.

Анапы. Цесаревич пришел в восторг от искусства стрельбы черноморского пластуна Пелипенко, взял из рук пластуна подсох и отдал его на память Черноморскому войску. Историки скептически относятся к самому факту пребывания Александра Николаевича на Кубани в это время (2), однако казачьей народной истории было важно отметить причастность каждого наследника — Августейшего атамана казачьих войск — к фактам, атрибутам и символам кубанской славы. Казаками-линейцами к ожидаемому прибытию в 1850 г. наследника цесаревича на Кавказ была составлена песня «С краев полуночи на полдень далекий». «Песня эта пелась не только в Конвое, — писал Н.В. Галушкин, — но была очень любима во всех полках кавказских казаков» (3).

Естественным следствием сакрализации царской власти стало формирование в народном сознании идеального государя и свойственных ему правил поведения. У разных социальных групп могли быть и были самые разные представления о том, как должен вести себя император. Эта модель распространялась даже на внешний облик царя. Когда в 1861 г. Александр II прибыл в Кубанскую область, то увидев его, одна из казачек воскликнула: «Ой! Тым воно в світі и правды нема, що царь з москалив...». В то время, — писал очевидец, — Государь был в двубортном сюртуке с пуговицами, которых казачьи офицеры не носили, так как этот костюм считался армейским и в глазах простонародья был москальским. Вероятно, Государь это понял сам, или ему объяснили другие, только на обратном пути ... был одет в казачью черкеску» (4). Царь реальный вынужден был пойти на поводу у царя идеального, ожидаемого, каноническая модель в данном случае диктовала правила поведения. В это время в среде черноморского дворянства и хоперских казаков имели место волнения, связанные с переселением в Закубанье. Император должен был оправдать представления о хорошем государе и дурных чиновниках на местах, которые скрывают от Александра II истинное положение дел и наживаются на народных страданиях, проявить себя благочестивым, справедливым и милостивым. Не случайно в своем сопротивлении переселению хоперцы ссылались на отсутствие соответствующего царского указа. «Казаки надеялись, — говорилось в одном из документов, что переселение целыми станицами будет отменено; но когда эти ожидания не оправдались, они решились послать просьбу к Государю, а до ответа оттуда отказались от переселения под предлогом непредъявления им Царского Указа» (5). Дежурный генерал Главного штаба Кавказской армии 19 октября 1862 г. писал командующему войсками Кубанской области: «1-го Хоперского полка казаки станиц: Круглолесской Павел Сафонов, Северной — Роман Шапкин, и Александровской Семен Колесник, отлучась с места жительства без дозволения начальства и без письменного вида, явились 30 июня 1861 года в Петергоф, прямо к Государю, с прошением от обществ их станиц, относительно приостановления переселения» (6). В условиях, когда хоперцы готовы были оказать вооруженное сопротивление правительственным войскам, а под боком был не замиренный еще Кавказ, царь не мог не пойти навстречу народным ожиданиям. Тот же документ сообщал: «Государь Император во время посещения г. Екатеринодара соизволил объявить Всемилостивейшее прощение всем без изъ-

ятия лицам, обвинявшихся в беспорядках, происходивших по поводу переселения казаков бывшего Черноморского войска. В присутствии же Своём в ст. Лабинской, Его Величество с депутатами 1-го Хоперского полка, хотя и обошелся чрезвычайно милостиво, предавая, по-видимому, забвению все происходившие в этом полку волнения, однако не соблаговолил выразить положительную волю о прощении и хоперских казаков. Но хоперские депутаты, приняв отеческие милостивые слова, обращенные к ним Его Величеством, за полную амнистию того же рода беспорядков, кои прощены черноморскому населению, передали эту радостную весть по всем своим станицам, где тотчас же были отслужены благодарственные молебны» (7).

Однако в народной памяти Александр II остался, прежде всего, Царем-Освободителем. По одной из легенд умирающий Николай I на смертном одре вызвал к себе наследника Александра Николаевича и завещал ему освободить русских крестьян от крепостного права, а единоверные славянские народы от османского ига (8). 9 мая 1914 г. по инициативе казака ст. Крепостной Е.С. Марченко в хуторе Романовском состоялось открытие памятника Царю-Освободителю. Местная газета сообщала: «Открытие бюста Царя-Мученика, вид картины Царя-Освободителя, читающего манифест, и появление плачущего старика, бывшего крепостным, с портретом Царя-Освободителя сильно подействовал на толпу — у многих показались слезы.

Перед открытым памятником прошли церемониальным маршем казачьи части, гимназисты и ученики Кавказского железнодорожного училища. Атаман отряда генерал-майор Гулыга поблагодарил инициатора постановки памятника — казака ст. Крепостной г. Марченко. На памятник возложено несколько венков. Памятник сооружен на добровольные пожертвования» (9).

Но поскольку отмена крепостного права казачества коснулось мало, основной спектр исторической картины мира кубанских казаков был совмещен с подвигом освобождения христолюбивым русским воинством Александра II братьев-славян. Император провел 8 месяцев в действующей Дунайской армии, от форсирования Дуная до падения Плевны. Русские цари и до Александра II участвовали в военных походах, но Царь-Освободитель остался глубоко памятен тем, что находился с армией в наиболее трудный период войны. После падения Плевны император отбыл в Петербург, предоставив лавры победоносной компании своему брату-главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу. Тем самым в народных представлениях царь исполнил заповедь христолюбивого воина: прилично быть первому в трудах и последнему у награды (10). Большинство воинских песен, посвященных Александру II, связаны с русско-турецкой войной 1877—1878 гг. В песне ст. Ищерской присутствует традиционный сюжет об угрожающем письме турецкого султана русскому царю: «С полдня ветер подует, / С громом дождичек идет. / Турок войско собирает, / Пишет: в гости к нам придет. / — «Берегись ты, царь Александр! / Я на днях в гости приду, / С своей тихой беседой / В Петербург, в Москву приду». / Государь наш, Император / По отряду разъезжал; / Он казакам и солдатам / Всеё правду рассказал: / — Строй лафеты вы,

орудья, / Вы снаряды, чиртежи! / Унесет ли турок ноги, / Свои желты сапоги?» / Государь наш, Император / Он желал нам доказать / С Николаем своим братом, / За Дунаем побывать» (11). Историки единодушны в том, что все русское общество, возмущенное резней, устроенной турками на Балканах, толкало в 1876 — начале 1877 г. императора к войне. Не были исключением и казаки. Император должен был оправдать чаяния россиян и оправдал их. В песне, записанной действительным членом Кубанского областного статистического комитета А.С. Поповым со слов певца-торбаниста, царствование Александра II изображается следующим образом: «Вот послушайте, друзья, / Вы про Белого царя! / Милостивый Государь Александра — Второй царь / Вам любовию горел / И свободу дать хотел, / Под крылом своим держал / И от казней избавлял; / Твердо правил он закон, / Людей бедных слышал стон: / Им на помощь прибегал, / А злодеев укрошал». Трагическая гибель императора от рук «злодеев»-бомбистов в народной истории связывается именно с освободительной миссией царя: «Батюшка наш, Государь, / Ты лишился своих ног, / Свою кровь за то пролил, / Что всю чернь освободил, / Христиан всех отобрал и свободу всем им дал» (12).

В русском фольклоре более трехсот лет существовала традиция оплакивать умершего монарха. Давно устоялась и форма посвященных этому исторических песен. Они исполнялись как монолог часового, стоящего у гроба и сетующего на неурядицы в армии, вызванные смертью государя: часовой оплакивает его от имени своих соратников и сослуживцев. Совершенно иначе народ отозвался на смерть Александра II. Радикальные отличия от сходных по теме предшествовавших песен обусловлены исключительностью самого факта: император был убит публично своими подданными, выступавшими якобы от лица народа, которых он облагодетельствовал (13). Хроникальные народные песни передавали эмоционально окрашенные живые впечатления очевидцев. В среде казаков Собственного Его Императорского Величества конвоя родилась такая песня: «Царь русский, убитый в России, / Принял терновый венец. / Конвойцы несутся рядами; / Толпы окружают дворец. / Живого сберечь не умели, / Теперь же на помощь бегут; Живому помочь не успели, / Так мертвого хоть сберегли. / Царь русский, убитый в России / Рукою же русских людей, / Лежит он, страдалец, облитый / Священною кровью своей, / За что же наш царь православный, / За что же он так пострадал? / За то ли, что славу Отечеству дал?» (14). «Этическая оценка убиения царя-освободителя, — отмечает С.Н. Азбелев, — сближала такие песни с духовными стихами. Произведения создавались в разных жанровых формах, но центральным мотивом всюду являлась оценка содеянного террористами с позиций православного отношения к царубийству» (15).

Кубанцы живо откликались на случаи покушения на жизнь императора. В 1868 г. «Кубанские войсковые ведомости» сообщали, что «казаки 5-й сотни 16 конного полка, станицы Воровсколесской, 18 июня минувшего 1867 года, по совершении в местной приходской церкви благодарственного молебствия по случаю чудесного избавления Его Императорского Величества Государя Императора от угрожавшей 25 мая того же года в Париже опасности, единодушно

изъявили желание соорудить икону в трех лицах, во имя Св. Чудотворца Николая, Великомученика Победоносца Георгия и Архистратига Михаила, поместив оную в приходской церкви с учреждением ежегодно в 6 день декабря сотенного праздника». Воровсколесцы заказали икону одному из лучших московских иконописцев, пожертвовав на нее 100 руб. серебром, и на серебряную лампаду к ней 25 руб. 25 мая 1868 г. икона была доставлена в сотню и «по совершении благодарственного молебствия о здравии и долгоденствия Августейшего Монарха и всего Царствующего Дома в присутствии всего станичного общества и строевых казаков освящена и поставлена в приходской церкви станицы Воровсколесской» (16). Эта же газета сообщала «о той энергии, с какой жители станицы Тихорецкой в свое время приступили к сбору с общества пожертвований на сооружение благолепных икон в вечное памятование незабвенных дней двукратного избавления драгоценной жизни Государя Императора от гнусных злодейских покушений» (17). И.И. Кияшко так описывал реакцию кубанских казаков на убийство Александра II народолюбцами: «Первое время жители станиц положительно не хотели верить, чтобы такое злодеяние могло совершиться, но печальная весть эта скоро была подтверждена и во всех станицах были совершены панихиды по в Бозе почившем Государе, собиравшие каждый раз все население станиц от мала до велика. Панихиды сопровождалась горькими рыданиями опечаленных казаков, из которых многие не раз видели в Бозе почившего императора» (18). А.Д. Ламанов в историческом очерке о станице Кавказской также отмечал, что «злодейское убийство Государя Императора Александра II 1 марта 1881 г. повергло население станицы в глубокую печаль. На перевод колокольного звона собралось много народа, многие не знали, кого хоронят, спеша к храму, только здесь узнали о печальной вести, и теплые молитвы принесены Господу об успокоении души в царствии небесном» (19). Приведенные свидетельства — это голос народа. Но и в площадной брани пьяных казаков, простых станичников, которые не прекращали жить своими мелкими личными интересами, тоже звучит *vox populi*. Поэтому в исторических представлениях народа наряду с трагическим восприятием гибели императора проявлялся и несколько иной контекст отношения к ним (20).

В делах Государственного архива Краснодарского края содержатся протоколы дознания, произведенного по требованию Екатеринодарского Окружного суда над казаком 11-го пешего пластунского батальона Степаном Гордиенко «по обвинению его в произношении, в присутствии многих лиц, оскорбительных слов против Государя Императора и Государыни Императрицы». Казак ст. Ильской Гордиенко имел от роду 30 лет, в службу вступил в 1868 г., был человеком неграмотным и холостым. В 1871 г. за кражу у мещанина Бублика 300 руб. был подвергнут тюремному заключению на полтора года, после чего зачислен в 11-й пеший пластунский батальон. Будучи в домовом отпуске в июле 1878 г., «он был приглашен родным братом своим в его дом, где и выпил порядочно водки и затем, поссорившись с казаком Странженком, отправился к питейному заведению, к гулявшим там своим товарищам, с которыми также пил водку. В это время станичный

писарь урядник Коломиец, тоже выпивший, пригласил его, Гордиенко, во внутрь питейного заведения, где спросил, у кого он, Гордиенко, находился на поруках, на что Гордиенко ему ответил: «Разве я арестант, что должен состоять на поруках», после чего произошло обоюдное ругательство». Досталось, видимо, от расходившегося казака и царю: свидетели показали, что во время ссоры Гордиенко «произносил бранные слова против Государя Императора и начальствующих лиц» (21). Прокурор Екатеринодарского Окружного суда потребовал для казака «лишения всех прав состояния и ссылки на каторжную работу на заводах от шести до восьми лет», но 6 февраля 1879 г. начальник штаба Кавказского военного округа сообщил Наказному атаману Кубанского казачьего войска, что «Его Величество Высочайше повелеть соизволил: дело это прекратить, наложить на обвиняемого дисциплинарное взыскание по усмотрению начальства и иметь за ним строгий надзор» (22).

Наряду с плачем по убиенному царю имела место и иная интерпретация первомартовских событий. 28 января 1885 г. Ейский уездный начальник докладывал исправляющему должность Начальника Кубанской области, что произвел дознание «Михайловского поселка крестьянина Луки Чубреева, заключающемся в произнесении дерзких оскорбительных слов против Священной Особы Государя Императора, а именно: «У нас Цари грабители, в военное время наш брат воевал, а Цари грабили банки, отправляли за границу вагоны с деньгами, а в настоящее время пооткрывали там банки. Рысаков убил царя, и Россия проклинает Рысакова, но она, напротив, должна молить Бога за него. Если б не было у нас Царской Фамилии, у нас был бы рай. Если б у нас было так, как во Франции, то у нас было бы блаженство и мы были бы богаты, а то у нас денег нет и мы должны» (23). Дознание было проведено не в отношении казака, но сам факт фиксации подобных социально-утопических представлений на Кубани, которой практически не коснулась народническая пропаганда, интересен и показателен. В другом случае брань по адресу императора звучит сквозь призму противостояния с иногородними. В мае 1883 г. крестьяне Феофилакт Кузьменко и Федор Шульженко сообщили станичному атаману, «что казак станицы Батуринской Емельян Захарченко высказал следующие слова «Пропал Александр Николаевич, пропаде и цей, и вы гамселы с ним!» (24). Причем «таковые слова произнесены были им, Захарченко, на площади, во время общего празднества дня коронавания Их Императорских Величеств при многочисленном народе» (25). При этом батуринский станичный атаман сообщал, что «обвиняемый казак Емельян Захарченко поведения и образа жизни хорошего, до учиненного им преступления ни в каких предосудительных в политическом отношении поступках замечен не был, к суду и следствию никогда не привлекался, проживает в ст. Батуринской, занимается хлебопашеством, имеет собственный дом, две пары быков и другие шанцевые земледельческие орудия» (26).

Народное сочувствие всегда было на стороне «несчастных», кто бы они ни были. Александр II прожил жизнь, в которой ему пришлось сыграть роль и державного властителя, предводителя христолюбивого воинства, вступившего за брать-

ев-славян, и реформатора России, и гонителя инакомыслящих, и преследуемого мученика. С благодарностью вспоминая деяния монарха, которые отвечали народным ожиданиям, сожалея о душах «преступников-злодеев», простые люди живо откликались на социальную несправедливость, сознавали, что не все в окружающих порядках и институтах устроено «по-божески». Поэтому облик императора, «место героя между традицией и современностью» (27), обладали целой палитрой устоявшихся и типичных, но все же разных красок.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Ле Гофф. Ж.* Людовик IX Святой. — М., 2001. — С. 380.
- (2) *Ратушняк В.Н.* Кубанские исторические хроники. Малоизвестное об известном: Очерки. — Краснодар, 2005. — С. 83.
- (3) *Галушкин Н.В.* Собственный Его Императорского Величества конвой. — М., 2004. — С. 48.
- (4) *Шарап С.А.* Записка полковника Шарапа, главного действующего лица при восстании, Василию Семеновичу Мове // Кубанский сборник. — Екатеринодар, 1911. — Т. 16. — С. 360.
- (5) ГАКК. — Ф. 254. — Оп. 2. — Д. 121. — Л. 9 об.
- (6) Там же. — Л. 1 об.
- (7) ГАКК. — Ф. 254. — Оп. 2. — Д. 121. — Л. 2 об. — 3.
- (8) *Лященко Л.М.* Царь-Освободитель. Жизнь и деяния Александра II. — М., 1994. — С. 40.
- (9) *Щ-вь А.* Хутор Романовский. Открытие памятника Царю-Освободителю // Кубанский казачий вестник. — 1914. — № 24.
- (10) *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. — М., 2000. — С. 451.
- (11) *Бутова Е.* Песни, поющиеся в станице Ищерской, Грозненского округа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — Тифлис, 1893. — Вып. 15. — С. 288.
- (12) Песня про Государя Александра Второго-царя. Записана Действительным членом Кубанского областного статистического комитета А.С. Поповым в Екатеринодарском отделе со слов певца-торбаниста, старого служивого // Кубанский сборник. — Екатеринодар, 1899. — Т. V. — С. 9—10.
- (13) *Азбелев С.Н.* Народная поэзия о гибели императора Александра Второго // Русская речь. — 2000. — № 4. — С. 98.
- (14) *Гусев А.* Поверья, праздники, песни и сказки в ст. Ардонской, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — Тифлис, 1893. — Вып. 16. — С. 346.
- (15) *Азбелев С.Н.* Народная поэзия о гибели императора Александра Второго // Русская речь. — 2000. — № 4. — С. 98.
- (16) Из станицы Воровсколеской // Кубанские войсковые ведомости (КВВ). — 1868. — № 23.
- (17) Ст. Тихорецкая // КВВ. — 1868. — № 50.
- (18) *Кияшко И.И.* 2-й Таманский, Адагумский и Абинский конные полки Кубанского казачьего войска. Исторический очерк // Кубанский сборник. — Екатеринодар, 1908. — Т. XIV. — С. 461.
- (19) *Ламонов А.Д.* Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска и жизни ее с 1794 по 1914 год // Захарченко В.Г. Песни станицы кавказской. — Краснодар, 1993. — С. 324.
- (20) *Иванова Т.* «Уготовим бомбы страшные...» // Родина. — 1997. — № 9. — С. 96.
- (21) ГАКК. — Ф. 396. — Оп. 1. — Д. 2597. — Л. 2 — 2 об.
- (22) Там же. — Л. 10 — 10 об.
- (23) ГАКК. — Ф. 454. — Оп. 4. — Д. 36 а. — Л. 1.

- (24) ГАКК. — Ф. 584. — Оп. 1. — Д. 147. — Л. 5.
(25) Там же. — Л. 6.
(26) Там же. — Л. 5 об.
(27) *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. — С. 668.

**SOVEREIGN ACTUAL AND EXPECTED:
THE IMAGE OF ALEXANDER II IN HISTORICAL
REPRESENTATIONS OF THE KUBAN COSSACKS**

O.V. Matveev

Department of Pre-Revolutionary History
State University of Kuban
Malorossiskii lane, 14/2, Krasnodar, Russia, 350051

In article basic elements of an image of Alexander II in representations of the Kuban Cossacks are presented. The author has come to a conclusion that despite existence of opposite sights, as a whole, Cossacks rested upon the tsar of hope and it has justified them. In particular, Alexander II has been favourite that unlike officials he was good, has released peasants from the serfdom, and also struggled for clearing of Slav brothers by religious Russian troops. The generated positive image of the tsar, certainly, was one of the reasons of deep grief of Cossacks in connection with Alexander's II murder.